

3.5. Топонимический материал в «Русском диалектном этимологическом словаре» С.А. Мызникова * (И.И. Муллонен)

Вышедший в 2019 г. «Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов» С.А. Мызникова [далее РДЭС] охватывает диалектную лексику, которая бытует на периферии русского языкового ареала и воспринята из территориально смежных языков народов России, особенно финно-угорских. Словарь получил высокую оценку специалистов, отметивших, что он пополнил сотнями авторских этимологий ставшие уже классическими интерпретации Я. Калимы, И. Микколы, А.Л. Погодина, М. Фасмера [Аникин, Муллонен 2020]. Это, безусловно, этапная работа, особенно значимая для лексики территории Северо-Западного региона страны, где русские говоры сформировались под значительным влиянием прибалтийско-финских языков. Видимо, не случайно автор приурочил ее публикацию к столетию выхода классической работы Яло Калимы о прибалтийско-финских заимствованиях в русском языке [Kalima, 1919].

В РДЭС включено некоторое количество топонимического материала – как в качестве своеобразных иллюстраций к бытованию апеллятивной лексики, так и в виде самостоятельных топонимических статей. Топонимический континуум словаря составляет более 200 названий, основная часть которых – это топонимы северо-запада России, зафиксированные в «русской» Карелии, а также на смежных территориях Архангельской, Вологодской и Ленинградской областей. Среди них как собственные сборы автора, так и топонимические материалы ряда диалектных словарей и картотек. В целом материал этот немногочислен и достаточно пестр. Здесь РДЭС идет следом за известными этимологическими словарями, содержащими топонимические статьи [Фасмер; SKES], выбор которых, кажется, в определенной степени субъективен, хотя и ориентирован на общую концепцию словаря и имеющиеся материалы и исследования.

В РДЭС представлены как известные по специальной литературе, так собственные этимологические интерпретации автора.

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания КарНЦ РАН (ИЯЛИ).

Среди них много ценных фиксаций и убедительных этимологических объяснений географических названий.

Вместе с тем некоторые топонимические этимологии небезупречны. Хорошо известно, что этимологическая интерпретация топонимов, особенно бытующих в контактных ареалах, исключительно сложна. Не случайно двухсотлетняя история исследования субстратной топонимии Русского Севера далека от завершения. Остаются без удовлетворительных расшифровок многие тысячи названий этого региона. Вполне естественно в этой ситуации, что не все возможные интерпретации были учтены автором РДЭС. Далее изложены некоторые соображения общего порядка, а также предложена правка нескольких этимологий с опорой на Картотеку топонимов Карелии [далее КТК], хранящуюся в ИЯЛИ КарНЦ РАН. Материал ее собирается уже на протяжении пятидесяти лет и включает около 300 тыс. единиц хранения.

В рецензии [Аникин, Муллонен 2020] уже отмечалось, что основная проблема в подаче топонимии в РДЭС состоит в отсутствии специальной пометы, отличающей топоним от апеллятива. Лишь в некоторых случаях указывается, что речь идет о топониме (напр., ‘название покоса’), чаще же после заголовочного слова (топоним) в толковании дается непосредственная характеристика названного географического объекта: *Конда* ‘возвышенность’, *Саймига* ‘кладбище’, *Сайкора* ‘возвышенное место’, что создает неверное представление о присутствии в русских говорах соответствующих апеллятивов. Такой подход поневоле создает в некоторых случаях неверный посыл для этимологии. Так, *Ронга* ‘делянка в лесу, место вывоза леса’ (Вытегор. Ошта) возводится автором к вепс. *rogng* ‘костер при сжигании кострики’. На самом же деле *Ронга* – гидроним, название притока р. Ошты, на берегах которого действительно происходила вырубка леса. Интерпретация, допустимая для предполагаемого апеллятива, в целом чужда для именовании рек. Скорее, следует исходить – с учетом рельефа местности, а также наличия в окрестностях гидронимов, допускающих саамскую этимологию, из саам. *rog'ge* ‘русло реки, углубление’ [Álgu]. Полагаю, что в ряд онимов, а не апеллятивов входит и зафиксированная автором словаря в с. Ошта единица *Линдашка*, т.е. это не ‘кладбище’ [РДЭС: 441-442], а название места, в котором располагается кладбище. При этом из

двух этимологических возможностей, предложенных в этимологической статье (вепс. *ledma* ‘песчаная земля’ и вепс. *lidn* ‘город’ с последующей метатезой), вторая представляется более надежной, поскольку для нее существуют, кажется, дополнительные подтверждения. Письменные свидетельства XV-XIX вв. упоминают д. *Городища*, позднее преобразовавшуюся в *Пустошь над городком*, которая, судя по описанию, размещалась в районе современного кладбища *Линдашка* [Соболев 2010]. Видимо, в устной практике использовался вепсский микротопоним (что-то типа **Lindaine* ‘городок’ с косвенной основой *Lindaiž-* → Линдашка), который в письменных источниках, представлявших официальный уровень бытования топонима, был представлен русским аналогом *Городок*.

Еще один пример неразличения онима и апеллятива – *Тобот* ‘вершина горы’ (Конд.) со ссылкой на [Алекина 1975: 64]. Материалы КТК позволяют однозначно утверждать, что здесь речь идет о топониме *Тобод* – названии большого камня, скалы, которая венчает западный край длинной *Великой горы* у дер. Суйсарь (Конд.) и известна как место, где молодежь исстари встречала приход лета [Суйсарь]. Написание с конечной звонкой согласной подтверждается именованием расположенного под горой урочища *Тободье*. Эти исходные данные позволяют отказаться от этимологических предложений РДЭС: вепс. *topaz* ‘кочка’, фин. *type* ‘вершина, конец, кончик чего-л.’ [РДЭС: 793], а ввести топоним в целый ряд известных на смежной карельской людиковской территории наименований с топоосновой *tobj ~ tobd* ‘большой’ с характерным для местных говоров звукопереходом *j > d* [Turunen 1946: 318]. Среди них есть и названия больших камней *Tobd'kivi* (-kivi ‘камень’) с вариантами *Tobjkivi* и *Tobiekivi* (Конд. Усть-Суна; Конд. Тереки). Синонимичная модель *Suurikivi* (suuri ‘большой’) является типовой для прибалтийско-финской топонимии, в кондопожском Прионежье используется ее людиковский аналог.

Попутно стоит отметить, что фин. *type* не может рассматриваться в качестве источника *Тобода* еще и потому, что в его семантическом поле основным компонентом значения является не ‘вершина, конец, кончик чего-л.’, к которому обращается автор [РДЭС: 793], а особенности формы того объекта, который называется этим словом: ‘о чем-то маленьком, коротком, иногда толстом’ (напр., обрубок; стерня; короткий, плохо выросший лен или ячмень; короткий

хвост; маленький и полный человек) [SKES 5: 1454]. Таким – коротким и толстым – может быть, например, кончик пальца. Полагаю, что именно этот мотив использован в диалектном пудожском *тюняк*, *ту-няк* ‘кончик пальца ноги’ [РДЭС: 820 со ссылкой на КСРГК]. В его основе, кстати, не просто фин. *type*, а карельская закономерная реконструкция **typäkkä* с приб.-фин. суффиксом *-kkä* с семантикой ‘подобный тому, что выражено производящей основой’ [Hakulinen 1968: 109]. А вот внесенный в статью *Тюняк* топоним *Тюника* [объяснен в СРНГ, 6: 549 как ‘край деревни’], зафиксированный в Кемском районе, при всей казалась бы звуковой близости, вряд ли может так прямолинейно и однозначно рассматриваться в этом ряду. В КТК этот топоним – как название хутора в окрестностях д. Боярская – зафиксирован двух карельских вариантах: *Tyräkkä* и *Tuрукkä*. Для именований хуторов и выселков типовым является закрепление в их функции антропонима – личного имени, прозвища, патронима основателя поселения. В данном случае это прозвище (видимо, родовое), восходящее к карел. *tyräkkä* ‘бестолковый, неумелый, недогадливый, медленно соображающий; ленивый’ [KKS], которое этимологически предлагается рассматривать в одном гнезде с фин. *type* [SKES, 5: 1454]. Лексика, отражающая свойства человеческой личности, формируется в значительной степени за счет вторичной образной номинации. Видимо, семантическая деривация в данном случае определялась соматическим кодом: на прибалтийско-финском материале выделяется целый ряд лексем, которые, с одной стороны, обозначают маленьких ростом и полных, а с другой, умственно неполноценных [Ruoppila 1955].

Один из относительно надежных принципов топонимической этимологии – это так называемый принцип типовых топооснов. Он исходит из повторяемости тополексем в условиях единой культуры носителей топосистемы. Приведем далее несколько примеров из РДЭС, которые входят как раз в число таких типовых для Карелии и прилегающих территорий, и для их расшифровки полезно привлечь весь известный ряд однотипных топонимических единиц.

Один из примеров – Рокса ‘место в лесу’ (Вытегор. Казаково) [РДЭС: 681]. Зафиксированный С.А. Мызниковым топоним входит в довольно широкий ряд именований – как правило, лесных подсек, – известных в Карелии и на смежных территориях. Уже в силу

фреквентативности топонима саамская его интерпретация (саам. *guokse, ruoksa* ‘мох’), приводимая в ряде исследований и поддержанная в РДЭС (с. 681), кажется сомнительной. Против саамской этимологии выступает и сама характеристика урочищ, представляющих собой пересеченную местность со сменой возвышенных участков и понижений, отличающуюся каменистостью и заросшую местами труднопроходимой лесной чащей. Мох является далеко не самым насущным компонентом в характеристике таких мест. Зато восточнофинский диалектный термин *röksä* ‘бурелом; буреломное, довольно высокое труднопроходимое место; узкая низина между возвышенностями’ [картотека SMS] отражает ее как нельзя лучше. Видимо, семантика разошлась по говорам (возвышенность – низменность). Термин не зафиксирован в карельских говорах, однако неоднократно представлен в топонимии Карелии, что позволило реконструировать его для карельских говоров [СКНГТ: 194]. При этом адаптация карельского гласных переднего ряда *ö* русским заднерядным *o* подтверждается по крайней мере одним «живым» соответствием: люд. река *Röksänd’ogi* (-d’ogi ‘река’) на картах Карелии имеет вид р. Рокса.

Другой пример – *Мурда* ‘луг’ Вытег., *Мурдола* ‘луг’ Тихв. [РДЭС: 508]. Автор апеллирует к известным в ряде приб.-фин. языков *miri, moro* ‘трава; лужайка’, куда, в свою очередь, проник из русских источников (рус. диал. *мур, муток, мурава* и др.). Видимо, такое направление этимологического поиска оказалось вновь спровоцированным неразличением апеллятива и топонима в тех источниках, к которым он обратился – СРГК и КСРГК. В действительности *Мурда* – типовой топоним в ареале современного и бывшего функционирования прибалтийско-финской топонимической системы. В вытегорском примере это название прибрежного луга (а не термин с семантикой ‘луг’), в его истоке можно реконструировать, с одной стороны, собс.-карел. *murdo* ‘бурелом’, с другой, люд. *murdo*, вепс. *murd* ‘омут, водоворот’, ливв. *murdo* ‘привада (место в водоеме, куда ставили небольшие елочки для приманивания рыбы, особенно в период нереста)’ [СКНГТ: 125-126]¹⁴¹. Отдельного комментария требует *Мурдола* – тоже топоним, название бывшей деревни на реке Паше, при этом сама деревня располагалась в окружении еще нескольких поселений,

¹⁴¹ См. также многочисленные примеры топонимов в иллюстративной части словарной статьи.

в названиях которых в явном или скрытом виде присутствует прибалтийско-финский формант *-la* /-ла, свойственный ойконимам: *Кайбола*, *Пудроль*, *Имолово*, *Канжела*, *Нуроля*. Известно строгое правило, свойственное народной прибалтийско-финской ойконимии с конечным *-la*: формант присоединяется к основе, выраженной антропонимом: в *Кайбола* скрыто некалендарное прибалтийско-финское имя *Kaiboi* ‘ожидаемый, долгожданный (ребенок)’, в *Имолово* – *Himo(i)* ‘желанный (ребенок)’, в *Пудроль* – прозвище *Pudr(oi)*, характеризующее человека недалекого, у которого каша в голове (карел. *pudro*, вепс. *pudr* ‘каша’) [Муллонен 1994: 92-93]. В этом ряду должно рассматривать и *Мурдолу*, этимолом которой может быть прозвищное именование, ср. карел. *turdo* ‘неуклюжий, громоздкий, нескладный человек’ [KKS]. Фамилия *Murtonen* хорошо известна, к примеру, финскому именослову [SN: 339].

Еще одна проблема, которую высветил анализ топонимического материала РДЭС – это неадекватная передача облика топонима в тех источниках, которые привлекались автором словаря. Описки разного рода, а также неверно услышанное звучание нередки в силу понятных причин как раз в отражении топонимов с неисконными истоками. Обращают на себя внимание явные искажения при записи топонимов, допущенных [СРГК] и особенно картотекой словаря [КСРГК]. Они четко высвечиваются при привлечении материалов КТК. Среди них *Тюрьга* ‘остров на болоте’ Беломор., для которого предложен этимон в виде фин. *tuurpugä* ‘небольшое возвышение, пригорок’ [РДЭС: 821], при том, что явно должно быть *Сюрьга* при карел. *syŕjä* ‘возвышенность вытянутой формы; небольшая горка, бугор’ [СКНГТ: 208]. Урочище *Хельга* (Медв. Кузаранда) – это, конечно же, *Сельга* – известное в Кузаранде именование куста поселений, расположенного на вытянутой вдоль побережья Онежского озера гряде, сельге, при карел. *selgä* ‘возвышенность, гряда, кряж’ [СКНГТ: 199]. В названии еще одной возвышенности *Сайкора* (Подпор.) автор словаря склонен выделять элемент *-кора* как модификацию *-горы* [РДЭС: 709], хотя в действительности топоним имеет вид *Сайкара* [КТК], элемент *-кара* ← вепс. *-kar* ‘бухта, небольшой залив’. В соответствии с общей топонимической закономерностью название залива как наиболее значимого объекта на территории метонимически перенеслось и на смежные объекты, став в данном случае имено-

ванием прибрежной возвышенности. Полагаю, что за *Лена* ‘каменистая отмель продолговатой формы’ (Шуньга) скрывается топоним *Лема* – первоначально наименование болота (приб.-фин. *lemi* ‘топкое болотистое место’), распространившееся и на смежные объекты, а за словарной единицей *Павчеги* ‘каменистая почва’ (Конд.) – топоним *Палтеги*, название каменистого склона (вепс., люд. **palteg* ‘склон’). Модель хорошо известна в Прионежье.

Учет типологических особенностей прибалтийско-финской топонимии, в частности, свойственной им сложной структуры, иногда ускользает из поля зрения автора. Так, вряд ли можно согласиться с интерпретацией, предложенной для топонима *Кивинит* (Бабаев.) [РДЭС: 294] как восходящего к вепс. *kivined* ‘каменные’, хотя бы потому, что форма множественного числа вепсского прилагательно *ki-vine* ‘каменный’ имеет вид *kivižed* ‘каменные’. На самом деле здесь обычный сложный по структуре вепсский топоним *Kivinit* (*kivi* ‘камень, каменный’, *nit* ‘покос’), каковых множество в вепсской топонимии. Сложная структура свойственна и топониму *Ранцер* (Тихв.), который приведен в статье *Рянжик* как входящий с последним в единое этимологическое гнездо [РДЭС: 702]. В действительности же *Ранцер* – это один из вариантов названия реки *Рандсора* в бассейне р. Паши [СГС: 93]. Топоним мотивирован особенностью реки, которая на довольно значительном участке течет параллельно реке Паше, причем в непосредственной близости ее левого берега: вепс. *rand* ‘берег’, *sar(a)* ‘река’, букв. ‘береговая или прибрежная река’.

Иногда оказываются неучтенными и определенные фонетические особенности сложных по структуре топонимов, например, редукция согласных на стыке двух элементов сложного названия: *Рехнаволок* (Прион. Ладва) нет нужды сопоставлять с ливв. *riegie* ‘густой перелесок, чаща’ [РДЭС: 664], фонетически оправдано реконструировать в нем продуктивную вепсскую топооснову *reht* ‘ворота, проход в прясловой изгороди’. В свою очередь, *Парсельга* [РДЭС: 583] вряд ли стоит возводить к нетипичному для топонимии ландшафтному термину *parras* ‘край, конец’, скорее облик топонима сформирован диссимилиацией *л~р*, т.е. первоначально **Палсельга*, в котором использована традиционная для прибалтийско-финской топонимии топооснова *palo* ‘пожог; выгоревшее место’. Впрочем, не исключена и другая возможность, по которой *Пар-* – это рудимент

люди. или вепс. *parz* ‘бревно’, тоже отмеченного в ряду типовых топонимов.

Полезен также учет закономерностей фонетической адаптации иноязычных топонимов в русское бытование. В числе прибалтийско-финских заимствований РДЭС отмечает целый ряд как апеллятивов, так и топонимов с концовкой *-ga*. Среди топонимов *Палтега*, *Рядега*, *Розмега*, *Риндега*, *Тюдега* и некоторые другие, при этом структура *-ga* интерпретируется автором по-разному. Реально же она всякий раз прекрасно укладывается в принцип адаптации прибалтийско-финских двухосновных имен с конечными согласными *-h* и *-k*, которые выступают в позиции после *-e*. Оба передаются в русской языковой практике концовкой *-ga*, что фонетически полностью согласуется с правилами адаптации прибалт.-фин. *h*, а также с тенденцией к озвончению *-k*, характерной, к примеру, для вепсских говоров: *puheg* ‘заговор, заклинание’ < **puhek* (фин. *puhe* ‘разговор’). Определенную сложность, видимо, представляет то, что в целом ряде случаев эти конечные согласные оказались утраченными прибалтийско-финскими языками – одними в большей (напр., финский), другими в меньшей (карельский и вепсский) степени. Более того, эти языки утратили и многие из лексем этого типа, и теперь иногда только русские говоры сохраняют о них память (см. подробнее [Муллонен 2021]). Топоним *Розмега* в качестве названий болотистых мест, сенокосных угодий и проч. абсолютно верно возводится в словаре к вепс. *rozme*, карел. *ruozme* ‘ржавчина’ [РДЭС: 678-679], однако без объяснения остается конечное *-ga* и высказывается сомнение в точности реконструкции вепс. **rōzmeɡ*, предложенной в свое время А.Л. Погодиным. Между тем, она вполне адекватна и учитывает исторический суффикс отглагольных имен **-k* > вепс. *-g*. В этом же ряду топоним *Палтега*: нет необходимости возводить его к реконструированному вепс. **palontego* [РДЭС: 575], здесь закономерно исходить из вепс. и карел. **paltteh* ‘склон горы’, преобразовавшихся в результате ряда фонетических изменений, включавших и утрату конечного *-h*, в карел. *palte*, вепс. *paute*, *paude*, *poude*. Собственно, предлагая обратить внимание на люд. *paltteged* (форма мн.ч.), как возможный источник *Палтеги*, автор словаря ближе всего к истине. Добавим еще термин и топоним *Рядега*, *рядога* как обозначение и название частого ельника на болотистом месте, в котором концовка *-ga* от-

ражает оригинальное вепско-карельское *-k*, оно оформляло исторически вепс. *räde* (с основной косвенных падежей *rädege-*) и карел. *reädä* < **rädek*. Отпадает необходимость обращения к суффиксальным образованиям типа фин. *räteikkö* [РДЭС: 699] с формантом *-ikkö*, имеющем коллективную семантику. Иначе говоря, типологически перечисленные словарные единицы входят в один ряд с *Тюдега* ~ *Кюдега* [там же: 818], *порега* ~ *порога* ‘попыньга’ [там же: 619] и многими другими словами, помеченными концовской *-ga*. Кстати, очень заманчиво поместить в этот же ряд череповецкое название луга *Пордога* [там же: 618] и видеть в нем результат интеграции в русский язык топонима вепского типа **pördeg* ‘водоворот’ при современном вепском *pörde*. Иначе говоря, топонимический ряд дополняет лексический.

Основная часть топонимического материала словаря – это микротопонимы, т.е. именованья сравнительно небольших по размеру объектов, известных ограниченному кругу пользователей. Однако кроме них в словарь включено более десятка словарных статей, посвященных потамонимам – речным названиям, имеющим в северо-западном регионе в массовом порядке не только дорусские, но еще и доприбалтийско-финские истоки (*Свирь*, *Вытегра*, *Шарья*, *Порма* и др.). Автор ориентируется на гипотезы, изложенные в известных топонимических словарях и исследованиях, предлагая параллельно и свой исследовательский взгляд на этот исключительно сложный материал. Нередко приходится ограничиваться констатацией «не ясно», и это понятно. Потамонимы территории Русского Севера трудны для интерпретации, и многие из предложенных этимологий носят условный характер. Рискну все же высказаться по поводу одного речного именованья, помеченного в РДЭС как неясное. Это название р. *Виксенда*, зафиксированное С.А. Мызниковым на восточном побережье Онежского озера, в д. Каршево [РДЭС: 131]. Полагаю, что оно входит в один ряд с представленными в словаре севернорусскими и сибирскими *виск*, *виска* ‘ручей, протока’ [там же: 134] и *вёкса* ‘река, вытекающая из озера и соединяющая два водоема’ [там же: 125]. Первые убедительно возводятся к пермскому источнику: коми *вис* (в основе *виск-*) ‘проток, канал (соединяющий озеро с рекой)’ [КЭСЯ]. За вторым предполагается мерянский источник, сопоставляемый как с марийским *икса* ‘залив, заводь, затон, старица; речка, проток’, так и с приведенными выше пермскими данными.

При этом констатируется, что марийское *икса* этимологически родственно пермскому слову, которое, в свою очередь, имело исходный вид **viks-*, давший **visk-* [РЭС 6: 197]. Топонимические свидетельства с территории Карелии и Финляндии позволяют расширить ареал финно-угорского слова на запад: в Обонежье и Присвирье неоднократно озера *Викшезеро* – карел. *Viikšarv*, *Виксозеро*, реки-протоки *Викша*, *Викшеньга*, в Белозерье оз. *Быксозеро*, р. *Выкса*, *Выксица*, в Финляндии оз. *Vieksijärvi*, *Viiksijärvi*, р. *Vieksi*, *Viiksimo*, а также р. *Vääksy*, *Vääksynjoki* [Rahkonen 2013: 18–20]. При этом топографическая характеристика названных водных объектов подтверждает реконструированную этимологию. Топонимы привязаны к протокам, стокам озер в реку. Приведенная в РДЭС река *Виксенда* – это короткий сток озера Мурмозера в р. Черную. Здесь же, на пудожской стороне Онежского озера известна р. *Викшеньга* – проток из оз. Колодозера в реку Колода. В северо-западном Прионежье (с. Кончозеро) проток, своего рода пролив *Викша* соединяет два озера: Пертозеро (вплоть до начала XIX в. именовалось в письменных источниках Викшозером) и Кончозеро. Аналогичным образом характеризуются и другие объекты с этой древней топоосновой. Формант *-нда* в *Виксенда* восходит, видимо, к известному прибалтийско-финскому суффиксу *-nta* (или его производному *-nto*), который используется в апеллятивах в функции обозначения подобия выраженному производящей основой и продуктивен в образовании ландшафтной терминологии. Впрочем, в смысле его топонимического функционирования не менее существенна и его примарная диминутивная функция [Hakulinen 1968: 143, 164] – именно такая семантика способствовала переходу суффикса в разряд топонимических.

Подведем итог. Можно дискутировать по поводу включения топонимического материала в этимологический словарь наряду с апеллятивным. С одной стороны, в числе топонимов немало бывших апеллятивов – как правило, ландшафтных терминов, законсервировавшихся на уровне топонимии. Они оказываются полезными для установления и подтверждения некоторых фонетических закономерностей адаптации, расширяя апеллятивный ряд или уточняя его. Они, наконец, в силу своей многочисленности и системности убедительнее апеллятивов свидетельствуют о языковом контактировании и

субстрате в определенном ареале. С другой стороны, топонимы, будучи результатом вторичной номинации, все-таки образуют свою систему, внутри которой действуют законы топонимического ряда, формульности, своя типология, которую следует учитывать для корректного использования этого материала в одном ряду с апеллятивным. Видимо, здесь две правды. В РДЭС топонимия в целом органически вписана в общий контекст словаря, дополняя апеллятивный континуум. В научный оборот введен целый блок названий мест и их интерпретаций. Спорность ряда топонимических этимологий ни в коем разе не снижает ценности проведенной автором работы. Каждая этимология, даже дискуссионная, продвигает в конечном счете наши знания о таком непростом предмете исследования, как топонимия контактного региона.

Литература и источники

Алекина Л.Н. Из материалов для регионального атласа русских говоров Карелии // Севернорусские говоры. Л., 1975. Вып. 2. С. 59–65.

Аникин А.Е., Муллонен И.И. [Рец.:] С.А. Мызников. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб: Нестор-История, 2019. 1064 стр. // Вопросы языкового родства. 2020. № 3 (18). С. 249–260.

КСРГК – Картотека «Словаря русских говоров Карелии и сопредельных областей» (хранится в Словарном кабинете им. Б.А. Ларина Санкт-Петербургского государственного университета).

КТК – Картотека топонимов Карелии (хранится в ИЯЛИ КарНЦ РАН)

КЭСЛЯ – *Лыткин, В.И., Гуляев Е.С.* Краткий этимологический словарь коми языка. Москва: Наука, 1970.

Муллонен И.И. Очерки вепсской топонимии. СПб.: Наука, 1994.

Муллонен И.И. Русские говоры как ресурс для прибалтийско-финской лексикологии // Известия Уральского федерального университета. 2021. Т. 23. № 3. С. 215–230.

РДЭС – *Мызников С.А.* Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб: Нестор-История, 2019.

РЭС – *Аникин А.Е.* Русский этимологический словарь. Выпуски 1–17–. Москва: Рукописные памятники Древней Руси; Знак; Институт русского языка РАН; Нестор-История, 2007–2023–.

СГС – *Азарова И.В., Герд А.С., Муллонен И.И.* Словарь гидронимов Юго-Восточного Приладожья (бассейн реки Свирь) / Под ред. А.С. Герда. - СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1997.

СКНГТ – *Кузьмин Д.В.* Словарь карельской народной географической терминологии. Петрозаводск: Периодика, 2020.

Соболев А.И. О прибалтийско-финском компоненте в формировании населения Андомского погоста и о некоторых вопросах освоения данной территории // Вытегра: краеведческий альманах. Вып. 4 / Гл. ред. Е.А. Скупинова (Сер. альманахов «Старинные города Вологодской области»; гл. ред. М.А. Безнин). Вологда: ВГПУ, 2010. С. 185–252.

СРГК – *Герд А.С.* (ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Тома 1–6. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета, 1994–2002.

СРНГ – *Филин Ф.П., Сороколетов Ф.П., Мызников С.А.* (ред.). Словарь русских народных говоров. Выпуски 1–52–. Москва / Ленинград / Санкт-Петербург: Наука. 1965–2021–.

Суйсарь – Село Суйсарь: История, быт, культура / Отв. ред. Т.В. Краснопольская, В.П. Орфинский. Петрозаводск: Изд-во Петрозав. гос. ун-та, 1997.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Тома 1–4. 2-е изд. Москва: Прогресс. 1986–1987.

Álgu – Álgu-tietokanta. Доступ: <http://kaino.kotus.fi/algu>

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. 3. korjattu ja lisätty painos. Helsinki: Otava, 1968.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Kolmas, korjattu ja lisätty painos. Helsinki: Otava, 1968.

Kalima J. Die ostseefinnischen Lehnwörter im Russischen. Helsinki: Société Finno-Ougrienne, 1919. (Mémoires de la Société Finno-Ougrienne; XLIV).

KKS – Karjalan kielen sanakirja. 1–6. (Kotimaisten kielten tutkimuskeskuksen verkkojulkaisuja 18). Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura. 1968–2005.

Rahkonen P. Suomen etymologisesti läpinäkyvätöntä vesistönimistöä. Virittäjä, 2013, № 1. S. 5–43.

Ruoppila V. Vajaaälyisen kuvaannollisia nimityksiä // *Virittäjä*, 1955. S. 222–239.

SKES – *Toivonen Y.H., Itkonen E.* (eds.). Suomen kielen etymologinen sanakirja. 1–7. (Lexica Societatis Fenno-Ugricae XII). Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura. 1958–1981.

SMS – Suomen murteiden sanakirja (Kotimaisten kielten keskuksen verkkojulkaisuja 30). 2011–2021. Доступ: <http://kaino.kotus.fi/sms/>. Дата обращения 10.05.2023. Картотека хранится в Центре национальных языков Финляндии / Kotimaisten kielten keskus (Хельсинки).

SN – *Mikkonen P., Paikkala S.* Sukunimet. Keuruu, 1992.

Turunen A. Lyydiläismurteiden äännehistoria. 1. Konsonantit. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1946.

Сокращения

В названиях языков и диалектов:

вепс. – вепсский; карел. – карельский; ливв. – ливвиковское наречие карельского языка; люд. – людиковское наречие карельского языка; приб.-фин. – прибалтийско-финские языки; саам. – саамский; фин. – финский.

В названиях административно-территориальных единиц:

Бабаев. – Бабаевский район Вологодской области; Белом. – Беломорский район Республики Карелия; Вытег. – Вытегорский район Вологодской области; Конд. – Кондопожский район Республики Карелия; Медв. – Медвежьегорский район Республики Карелия; Подпор. – Подпорожский район ленинградской области; Прион. – Прионежский район Республики Карелия; Тихв. – Тихвинский район Ленинградской области.